УДК 327

Виктор МИРОНЕНКО

К ИСТОРИИ ТРЕТЬЕЙ УКРАИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья поступила в редакцию 21.07.2021

Аннотация. В статье дан анализ трансформации политического режима Третьей украинской республики. Автор считает, что все происходящее в этой большой европейской стране заслуживает внимания не только как часть ее новейшей истории и новейшей истории Европы, но и как проявление некоторых европейских и глобальных политических процессов. Автор предпринял попытку с использованием методов исторического анализа вписать происшедшее в Украинской республике за последние тридцать лет в общий контекст новейшей истории Украины, выявить причины незавершенности «украинского проекта», трудности ее внешнего восприятия и международного позиционирования. Научная новизна предлагаемого анализа состоит в том, что политические режимы, существовавшие в Украинской республике с момента ее провозглашения, рассматриваются во взаимосвязи как процесс эволюции, а последний из них – в свете гипотезы двух трансформаций – как ее последняя фаза. Главный предлагаемый вывод состоит в том, что трудный путь политической самоидентификации Украины не завершен, и страна стоит перед необходимостью поиска новой внутренней и внешней политической парадигмы и очередной перезагрузки политического режима.

Ключевые слова: Украина, Украинская республика, Третья украинская республика, трансформация, ре-эволюция, трансформационный кризис, постсоветское пространство, европеизация.

Год 30-летия провозглашения независимости Украины был отмечен мемориальными и приуроченными к событию актуальными политическими мероприятиями, а также меньшими, чем можно было ожидать, дискуссиями об избранном и пройденном страной пути¹.

¹ См. напр: Thirty Years of Ukraine's Independence. Achievements and Challenges. Institute Europe Srodcjevej. 15.06.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dE-GEABg8vc> (дата обращения: 29.06.2021); Природа раскола Украины. От СССР до потери Крыма и Донбасса. Андрей Ермолаев. Перший козацький. Восточный акцент. 19.06.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DwA8VIJgU14> (дата обращения: 19.06.2021); Бортник, Смешко. Байден VS Путин: Решающая встреча для Украины. «Черный квадрат Карасева». НАШ, 15.06.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xul9G9gCw1Y&t=22s> (дата обращения: 29.06.2021) и др.

© **Мироненко Виктор Иванович** – к.и.н., руководитель Центра украинских исследований, Институт Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. **E-mail:** victor@mironenko.org

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021150160>

Постановка проблемы и изученность вопроса

Общее впечатление от увиденного и услышанного состоит в том, что в украинском обществе и элите довольно медленно, с трудом приходит понимание того, что государственное строительство на Украине не может быть завершено без основательного его переосмысления, преодоления инерции не оправдавших себя политических идей и практики. Пока что, несмотря на предпринимаемые усилия, украинским историкам и их зарубежным коллегам не удалось вписать интересующий нас период истории Украины в более широкий исторический и политический контекст. Украина по-прежнему остается своего рода «образцом внутренней конфликтности исторической политики» [Касьянов, 2018: 98].

Часто это объясняется неожиданностью появления Украины как независимого государства. Для многих западных европейцев она стала своего рода последним «великим географическим открытием». «По количеству населения Украину, – пишет автор одной из популярных версий истории Европы Норман Дэвис, – можно сравнить с Англией и Францией, здесь проживают также разные меньшинства: но роль самих украинцев в исторических компендиумах очень невелика» [Дэвис, 2005: 40].

Интересна гипотеза о том, что эти события создали лишь «историческую возможность собственного политического и экономического творчества» [Minakov, 2018: 105]. Как удалось этой возможностью воспользоваться? Ответ на этот вопрос имеет смысл поискать, рассматривать происходящее не изолированно, а как часть более длительного процесса. Процесс обретения суверенитета – как первую трансформацию, а вторую – как «[...] конфликтную реорганизацию внутри национальных границ» [Ермолаев, 2021].

Георгий Касьянов относит такой вид исторического исследования к «истории современности». Тому, кто решил этим заняться, полагает он, приходится иметь дело с «явлениями и процессами, которые еще не завершились, не превратились в “прошлое”»¹. Историк выступает здесь как «хронист, фиксирующий события» [Касьянов, 2007: 9]. Но со временем он уже не может этим удовлетвориться, и перед ним встает задача вписать происходящее в общий исторический контекст и попытаться продлить полученную таким образом траекторию развития в будущее.

Как случилось, что цель, для достижения которой украинцами было предпринято столько усилий и принесено столько жертв, преодолено столько препятствий, была достигнута практически без сопротивления? Все выглядит так, будто и государственность, и независимость упали как созревший плод прямо в вовремя подставленные руки. Ответа на этот вопрос нет, как и на вопрос о том, почему спустя два десятилетия война все-таки началась и как ее закончить. Без ответа на эти и несколько других вопросов процесс наполнения реальным содержанием обретенной независимости не может быть закончен. Ответить на них – это задача украинской исторической науки.

Украинские историки активно за нее взялись [Боряк, 2016; Барановська, 2016; Гай-Нижник, 2017; Грицак, 2019; Касьянов, 2007; Касьянов, 2018; Косьмина, 2015; Кульчицкий, 2004; Литвин, 2005; Толочко, 2018; Уривалкін, 2009; Яковенко, 2007].

¹ Здесь и далее перевод с украинского и английского автора статьи.

Особо следует отметить появление «Энциклопедии истории Украины» и единственного в своем роде компендиума на русском языке «История Украины»¹. «Новую [...] украинскую историографию, – пишет Ярослав Грицак, – трудно охарактеризовать однозначно»². Она находится в процессе становления. Расходясь в оценке отдельных исторических периодов и событий, украинские историки в своем большинстве согласны в оценке этого отрезка украинской истории как завершения длительного исторического процесса. Упомянувшееся уже нами неожиданное появление на мировой арене независимого государства такой величины, а также острота и политический резонанс происходящих на Украине и вокруг нее событий подогревает интерес к новейшей истории страны со стороны зарубежных исследователей [Isajiw, 2003; Kuzio, 2002; Rar, 2009; Sasse, 2019; Siedenberg, 1999; Wilson, 2000 и др.].

В России число трудов, посвященных новейшей истории Украины, не велико [Беляков, 2020; Борисенко, 2018; Крюкова, 2017; Клопова, 2019; Миллер, 1997; Миллер, 2000; Мироненко, 2019; Шубин, 2016]. Это можно объяснить «отделением» украинской исторической науки от российской. Отчасти же и тем, что многие исторические проблемы обрели политическую остроту и утонули в потоке конъюнктурной публицистики. И в научных дискурсах, и в нарративах не удалось избежать соблазна рассматривать исторические факты в дюркгеймовском духе, ходить вокруг да около этих «вещей-в-себе» и на свой лад их интерпретировать [Космина, 2015].

Одной из первых известных нам попыток системного осмысления украинского транзита является книга Михаила Минакова, в которой он попытался «изучить постсоветских людей и разнообразные их сообщества, которые они создали на руинах Советского Союза» [Minakov, 2018: 13]. Используя понятие «lifeworld» Гюссерля и предложенный школой Анналов подход к изучению истории (long-duree), он выдвинул гипотезу о том, что модернизация не исключает попятного исторического движения. В Восточной Европе утопия родила дистопию, и это привело к тому, что «ни внешние, ни внутренние импульсы не давали устойчивых изменений, что ограничивало коллективную способность к политическому творчеству...» [Minakov, 2018: 14]. Близкие к этим взгляды на новейшую историю Украины содержатся в публикациях Стратегической группы «София», в частности, в интервью ее руководителя Андрея Ермолаева³.

Современная Украина представляется некоторым экспертам своего рода «лабораторией для изучения современной политики и культуры» [Kasianov, 2009: 1], где

¹ Енциклопедія історії України: у 10 т. (2011) Редкол., голова В. А. Смолій. Інститут історії України НАН України, Наукова думка, Київ; История Украины. Научно-популярные очерки. Под ред. В.А. Смолия. Национальная академия наук Украины. Институт истории Украины. Київ: В-во «Наукова думка», 2003–2013; История Украины 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Алетей, 2019.

² Грицак Ярослав (2011) Страсті за націоналізмом. Стара історія на новий лад. Критика. Київ. С. 130.

³ См.: Горизонты событий. Украина. Strategic Group Sofia, №№ 1-3. URL: <http://sg-sofia.com.ua/horizonti-sobitij>; Андрей Ермолаев. Второй трансформационный кризис. Strategic Group Sofia. Август, 2019. URL: <http://project705127.tilda.ws/vtoroj-transformazionij-krizis/> (дата обращения: 06.07.2021)

их развитие представляет собой не прямую, а скорее пунктирную линию, прерываемую остановками и попятными движениями.

Исторические предпосылки украинских трансформаций

Та легкость, с которой ушла в историю Вторая и явилась миру Третья украинская республика говорит о том, что страна была к этому подготовлена. Так ли это?

Существующий политический режим на Украине нужно рассматривать в связи с двумя предыдущими – УНР и УССР, а все их вместе – как целостный исторический процесс. Происходил он в условиях навязанной Украине социальной утопии и под сильным внешним влиянием. Все три перечисленных политических режима (как и два, не вполне вписывающиеся в предложенную схему – Западно-Украинская народная республика (ЗУНР) и Украинская держава Скоропадского) не были ни автохтонными, ни самостоятельными. Первый режим (УНР) зависел от Германии, и это – наряду с другими обстоятельствами – привело его к краху после поражения покровителя в мировой войне. Второй (УССР), с делегированными союзному центру важнейшими функциями и полномочиями государственного управления, рухнул вместе с этим центром при попытке его модернизации. Третий же, несмотря на обретенные суверенитет (1990) и независимость (1991), пока что, судя по всему, ни с тем, ни с другим не освоился. В том, разумеется, смысле, в котором вообще можно вести речь о суверенитетах в их вестфальском, версальском или ялтинско-потсдамском понимании в условиях глобализации.

Возвращаясь к тезису об Украине как об «образце внутренней конфликтности исторической политики» [Касьянов, 2018: 98], отметим, что в советской украинской историографии политический режим УНР игнорировался. Он упоминался лишь вскользь как контрреволюционный в контексте общей для Украины и России социалистической революции [История Украинской ССР, 1984]. Такая же судьба постигла и УССР. «В отечественной историографии времен независимости, – пишет Петр Толочко, – образ советской Украины изменен до неузнаваемости» [Толочко, 2013]. Привычка рассматривать исторические факты в «дюркгеймовском духе» [Космина, 2015], как видим, прочно укоренилась. Политическая трансформация Украинской республики в XX в. то ускорялась, то замедлялась в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств. При желании можно определить ее как запоздалую национально-демократическую революцию, хотя не следует называть любое заметное общественно-политическое событие на Украине революцией.

Предшествующее провозглашению независимости время было временем переплетения и борьбы различных тенденций. В современной украинской историографии оно чаще всего делится на три периода: два относительно коротких – хрущевская оттепель и горбачевская перестройка и один долгий – брежневский застой. При значительных отличиях в них можно обнаружить общее. Общим был латентный поиск выхода из ставшей перманентной, по Троцкому, русской революции – из упоминавшейся уже социальной утопии, в которой Украина, особенно ее западная часть, никак не хотела растворяться. Однако вряд ли на этом основании можно согласиться, что все три обозначенных периода, как и вся история Второй (советской) украинской республики, вычеркиваются как время оккупации, исто-

рическое безвременье. Исторически некорректными выглядят и попытки объединить «советский период с имперским в рамках постколониальных дискурсов» [Касьянов, 2018: 82].

В послевоенное время экономика Украины динамично развивалась, улучшались условия жизни, начинало зеленеть выжженное репрессиями тридцатых годов поле украинской культуры. Республика тогда представлялась, а в значительной степени и была на самом деле, оазисом благополучия и стабильности. Но время больших ожиданий и надежд сменилось временем усталости и разочарования. Все это очень напоминает «кривую Дэвиса» [Davies, 1962], утверждавшего, что массовые протесты происходят, когда период подъема сменяется упадком, движение – застоем¹. Это так, однако этот период принес с собой и относительную стабильность после десятилетий социально-административных экспериментов.

Характер отношений в системе «партия – государство», «государство – общество», «центр – республика» прочно утвердился. С принятием конституции 1978 г. режим Второй республики приобрел заверченный вид. Его отличала осторожность в отношении хрупкого властного баланса между республикой и центром и в отношении национального вопроса внутри республики после присоединения западных областей. Это дало повод позднее, в перестроечные годы, наградить республику сомнительным титулом «заповедника застоя». Эти хлесткие определения были поверхностными, не учитывали сложность происходивших в республике процессов². Союзный центр предпочитал их не замечать, а украинское руководство – не демонстрировать.

Важно также иметь в виду, что на Украине, как и в других республиках, «произошло огосударствление («этатизация»), превращение политической партии, стоявшей у власти, в «партию-государство»³. Это воспринималось как противоестественное состояние, из которого, как уже отмечалось ранее, и общество, и экономика стремились выйти. Самым коротким путем представлялся переход от этатизма социального к национальному. Идея обретения собственного государства как панацеи от всяких неприятностей немногим отличалась от идеи социалистического государства. Возможность осуществить такой переход появилась с началом перестройки. Данные ею импульсы, благотворные, по существу, попадая на украинскую почву, дали неожиданный результат.

Первая украинская трансформация

Андрей Ермолаев предлагает считать первой трансформацией Украинской республики время от смерти Брежнева до разрушения Союза ССР (1982–1991 гг.). С этим не все согласны. В годы перестройки в обществе и в политической системе начали происходить процессы, которые в конечном счете и предопределили судьбу страны⁴.

¹ Davies J. (1962) Toward a Theory of Revolution (англ.). American Sociological Review. Т. 27.

² Подробнее об этом см.: Мироненко В.И. Украина в 1945–2011 гг. История Украины. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2019. С. 457–551.

³ Крючков Г.К. Трудные уроки: Раздумья бывшего парт. работника. Харьков: Фолио, 2009. С. 59.

⁴ См. об этом: Мироненко В.И. Указ соч. С. 532–538.

Удельный вес республики в экономике Союза сокращался¹, но по многим активным показателям – уровню жизни, развитию науки, культуры, спорта – она по-прежнему в лучшую сторону отличалась от других республик, включая и РСФСР. Тем не менее именно в эти годы заявило о себе инакомыслие. Оно разделилось на правозащитное (Н. Руденко, П. Григоренко, В. Чорновил, В. Стус, С. Хмара), национальное (В. Мороз, Л. Лукьяненко) и религиозное (И. Тереля, В. Романюк) [Уривалкін, 2009: 781]. Никакой политической программы эти движения не имели, были малочисленными и широкой поддержкой в обществе до перестройки не пользовались.

Ощущение близости больших перемен стало усиливаться в начале 1980-х гг. Л.И. Брежнев сменил Ю.В. Андропов. Уход одного, благоволившего Украине, и приход другого, заявившего, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся»², всколыхнул застоявшееся партийно-административное болото. Но времени лучше узнать общество и попытаться его изменить история Андропову не дала. В феврале 1984 г. его сменил К.У. Черненко, а в марте 1985 г., при поддержке последнего из политических тяжеловесов А.А. Громыко, на позицию лидера партии и страны был выдвинут и утвержден М.С. Горбачев. Это был человек, принадлежащий к другому, нежели все три его предшественника, поколению политиков, не чуждый «украинства», но не административно-политического, как Брежнев, а скорее ментально-этнического. Его родословная, по собственному признанию Михаила Сергеевича, корнями уходила на Украину³.

Несмотря на это, вскоре появились первые трещины в отношениях Киева и Москвы. Личные связи складывались непросто. Кто-то в центре явно настраивал Горбачева на то, чтобы приструнить «зажравшихся хохлов». В своем выступлении в Киеве на собрании украинской элиты (партийно-хозяйственного актива, как это тогда называлось) он дал понять, что время особого отношения к Украине прошло. Более серьезные последствия и для личных контактов двух лидеров, и для отношений Киева и Москвы имело другое событие – авария на Чернобыльской АЭС. В ней можно было увидеть и причины начала реформ в СССР, и того, что они пошли не так, как предполагалось. Катастрофа высветила общие пороки системы управления многократно усложнившимся научно-производственным комплексом страны и повзрослевшим обществом. Представители тогдашней украинской элиты это понимали. Поначалу они поддержали намерения и планы Горбачева и по большому счету придерживались этой позиции вплоть до августа 1991 года. Однако общая ситуация не благоприятствовала такому пониманию и согласию.

Обвал мировых цен на нефть существенно ограничил материальные и финансовые возможности союзного руководства. Опасения украинского лидера Петра Ше-

¹ В том числе и в связи с освоением и использованием в товарном обеспечении станы нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, против которых в свое время выступил Петр Шелест.

² Виктор Трушков. К 100-летию со дня рождения Ю.В. Андропова. Коммунист Беларуси. Мы и время. Газета КПБ. № 25 (913). 20 июня 2014 г.

³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В двух книгах, кн. 1. Москва: АО «Издательство «Новости», 1995. С. 37.

леста, изложенные в записке в Политбюро ЦК КПСС в 1968 г.¹, оказались обоснованными, а в чем-то даже пророческими. Дефицит бюджета Союза ССР в 1986 г. достиг 50 млрд рублей. Начались серьезные сбои в экономике и в обеспечении элементарных жизненных потребностей людей, снабжении населения самыми необходимыми товарами. В феврале 1989 г. Горбачев снова приехал на Украину. В его поведении уже отчетливо проглядывала озабоченность нарастающими трудностями экономического и политического характера и надежда на поддержку и самого Щербицкого, и украинской партийной и хозяйственной элиты. Судя по всему, он понял, что они объективно были его союзниками. Понимание пришло слишком поздно. 28 сентября 1989 г. Щербицкий ушел с поста первого секретаря ЦК Компартии Украины, а равноценной по степени влияния политической фигуры на Украине не оказалось.

Несмотря на некоторые особенности инкорпорации Украинской республики в Союз ССР, которые всплывут позднее, в ней присутствовало понимание необходимости радикальных реформ. Это продемонстрировали два проведенных в 1991 г. референдума. Украинские коммунисты, контролировавшие ситуацию вплоть до августа 1991 г., понимали, что на Украине, в отличие от России, присутствует легко реализуемая альтернатива – национализм. Если это произойдет, коммунистам и даже социалистам в новой системе государственного управления не будет места, что впоследствии и случилось. Возможно поэтому они поддерживали идею сохранения Союза и уступили только перед лицом объединения украинских национал-демократов с российскими национал-коммунистами. Союз этот, как и следовало ожидать, оказался недолговечным, но он привел к тому, что если вторые «положили начало развалу СССР, то первые его завершили» [Касьянов, 2008: 12].

В том, что поддержка реорганизации союзного государства на Украине мягко трансформировалось в идею возвращения к национальному государству традиционного типа, свою роль сыграло и еще одно обстоятельство. А именно то, как были проведены выборы народных депутатов СССР в 1989 г. и Верховного Совета Украины в 1990 г. В союзный парламент были выдвинуты руководители партийных, советских и хозяйственных органов, лидеры общественных организаций, творческих союзов и научных учреждений. Союзный уровень традиционно считался более высоким, а выдвижение туда – более престижным, прерогативой первых лиц. В республиканский парламент – Верховный Совет были выдвинуты и избраны вторые лица и отчасти представители набиравшей силу оппозиции, которая на Украине имела ярко выраженную национальную окраску. Отношения союзного и республиканских парламентов в этих условиях приобрели характер отношений власти и оппозиции, а результат их борьбы нетрудно было предвидеть. Новым российскому и украинскому лидерам Б.Н. Ельцину и Л.М. Кравчуку удалось убедить людей в том, что по отдельности проблемы решать легче. Направленность украинской трансформации этим была фактически предопределена.

3 июля 1990 г. Верховным Советом УССР, по примеру российских коллег, был принят Закон «Об экономической самостоятельности Украинской ССР». 16 июля 1990 г., снова по примеру России, им была принята Декларация о государственном суверенитете Украины. 17 октября – постановление, по которому украинский пар-

¹ Голос України, 1. 18 серпня 1994 року. № 157(907).

ламент отказывался обсуждать новый союзный договор до принятия новой Конституции УССР. 20 ноября 1990 г. в Киеве Ельцин и Кравчук подписали договор «солидарности» между РСФСР и УССР, который не оставлял места для союза в каком бы то ни было виде – старом или обновленном. Фактически своими действиями российское руководство осознанно или ситуативно подтолкнуло украинских коллег на тот путь, который те в конечном счете и выбрали.

5 июля 1991 г. ВС УССР принял три закона, положивших начало коренной трансформации политического устройства страны¹. Довершил разрушение Союза «августовский путч» 19–21 августа 1991 г. Сложились условия для действительной трансформации экономики и политической системы республики.

Нежданная независимость

24 августа 1991 г. произошло событие, от которого идет отсчет времени существования нынешней Третьей украинской республики. Специальным актом была провозглашена независимость Украинской республики². 30 августа 1991 г. деятельность Коммунистической партии Украины была запрещена. 4 сентября 1991 г. над зданием, где проходили заседания парламента Второй республики, был поднят желто-голубой флаг Первой. Вторая (советская) украинская республика, не прощаясь, уходила в историю. Встала задача формирования нового политического режима, к чему, как показали последующие события, ни в целом украинское общество, ни его элита готовы не были.

Об этом можно судить хотя бы по тому, как готовился и принимался соответствующий акт. 22 августа 1991 г. депутаты национал-демократической, как они сами себя называли, фракции парламента – «Народной Рады» – собрались и стали обсуждать, как им воспользоваться политически выгодным моментом. Левко Лукьяненко предложил провозгласить Украину независимым государством. С ним согласились, и вместе с народным депутатом СССР Леонтием Сандуляком они составили проект документа, который называли «актом провозглашения независимости».

При обсуждении возник вопрос о том, как назвать само политическое действие – «возрождением» или «провозглашением». Обоснованно опасаясь реакции депутатов-коммунистов, сошлись на последнем. «24 августа, – вспоминал впоследствии Лукьяненко, – была созвана чрезвычайная сессия Верховного Совета (Рады – укр.). Зачитали этот документ. Кравчук поставил на голосование, и проголосовало огромное большинство. Мы вскочили, обнимались»³.

Против проголосовали пятеро и двое воздержались. Такое единодушие украинских коммунистов и их основных идейных оппонентов – националистов можно объяснить только желанием одних непременно получить власть, а других – ее

¹ «Об учреждении поста президента УССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украинской ССР», «О Президенте Украинской ССР», «О выборах Президента Украинской ССР».

² Акт проголошення незалежності України. 24 серпня 1991 р. Відомості Верховної Ради, 1991, № 38.

³ Левко Лук'яненко: Люди обирали комуністів, бо були рабами. УНІАН. 24 серпня 2011 р. URL: <http://www.unian.net/ukr/news/news-452965.html> (дата обращения: 17.06.2021)

удержать. О том, что с этой властью потом делать, думать было некогда. Так закончилась подготовка условий первой, по Ермакову, украинской трансформации. Старая и новая будущая номенклатура в первый и последний раз на Украине выступили вместе. Принцип – власть есть цель политики и для ее достижения возможно все – не только сохранился, но и предопределил характер второй украинской трансформации.

Хотя с формально правовой точки зрения и по своему названию украинское государство провозглашалось не отрицанием, а развитием национальной государственности, как правопреемник СССР, фактически Вторая украинская республика – сооснователь и член Союза ССР, страна – соучредитель ООН прекращала свое существование. Очертания же нового политического режима представлялись в самом общем виде. Доминировала идея, что обретение собственного государства разрешит накопившиеся социально-экономические проблемы, а о его характеристиках можно особенно не заботиться, поскольку они содержатся в декларации о государственном суверенитете Украины¹. Украина плыла по течению.

* * *

Из сказанного можно сделать несколько выводов, имеющих значение для адекватного восприятия последующих событий, второй трансформации.

Невозможно понять сущность происходящих на Украине процессов, не отступив от них мысленно на некоторую дистанцию. Это позволяет увидеть их в исторической перспективе как часть процесса рождения и развития Украинской республики. Это важнейшая и актуальнейшая задача украинской исторической науки, которую она пока не решила.

В новейшей истории Украина постоянно оказывалась в точке пересечения и столкновения внешних по отношению к ней политических дискурсов, но никогда вплоть до последнего времени, а в известной мере и сейчас, не была вполне самостоятельна в выборе собственного пути. В силу этих обстоятельств страна не была ни достаточно консолидирована внутренне, ни достаточно субъектна вовне.

За время, предшествующее рассматриваемому, Украинская республика сформировалась территориально, экономически и политически, буквально вызрела в Союзе СССР², что позволило ей практически бесконфликтно обрести государственный суверенитет и независимость.

Но завершив этот процесс с формально-правовой точки зрения, страна столкнулась с проблемой наполнения и того, и другого реальным содержанием. Это задача более сложная, и главная трудность здесь состоит в том, что решить ее можно только собственными силами, изнутри, во многом не благодаря, как это было ранее, а вопреки внешним обстоятельствам.

¹ Мороз: Конституцию должны знать и уважать все от президента до школьника! YouTube. 28.06.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=je14TRwQCrQ> (дата обращения: 29.06.2021)

² См. об этом: Лисяк-Рудницький І. Природа української радянської державності. Історичні есе: У 2 т. Т. 2. К., 1994. С. 458.

Список литературы

- Борисенко Е.Ю. (2018) Не советская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период. Москва: Алгоритм. 304 с.
- История Украины. Научно-популярные очерки. Под ред. В.А. Смолія. Национальная академия наук Украины. Институт истории Украины. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 1070 с.
- Космина В.Г. (2015) Навсегда ли разошлись пути Украины и России. *Общественные науки и современность*, № 4. С. 141–151.
- Мироненко В.И. (2019) Украина в 1945–2011 гг., в кн. *История Украины* 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Толочко, П.П. (2018) Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки. ГУП, Санкт-Петербург. 592 с.
- Шубин А.В. Украина в 1917–1945 гг. в кн. *История Украины* 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Алетейя.
- История Украинской ССР. В 10-ти т. (1985) Киев: «Наукова думка».
- Енциклопедія історії України: у 10 т. (2011) Редкол., голова В.А. Смолій. Інститут історії України НАН України. Київ: Наукова думка.
- Україна: політична історія. XX – поч. XXI ст. (2007) Під ред. В.М. Литвин (голова). Київ: Парламентське видавництво. 1028 с.
- Гай-Нижник П. П. (2017) Росія проти України (1990–2016 рр.): від політики шантажу і примусу до війни на поглинання та спроби знищення. Київ: «МП Леся». 332 с.
- Грицак Ярослав (2019) Нарис історії України. Формування модерної нації XIX–XX століття. Київ: Yakaboo publishing. 653 с.
- Касьянов Георгій (2008) Україна 1991–2007: нариси новітньої історії. Київ: Наш час. 432 с.
- Касьянов Георгій (2018) Past Continuous: історична політика 1980-х – 2000-х. Україна та сусіди. Київ: Laugus, Антропос-Логос-Фільм. 420 с.
- Кульчицький С.В. (2004) Новітній український державотворчий процес, у кн. *Україна і Росія в історичній ретроспективі*. Нариси в трьох томах. Редакційна рада, відп. редактор В. А. Смолій. Т. 3, Київ: Наукова думка. 324 с.
- Смолій В.А. (2001) Передне слово, у кн. *Україна: утвердження незалежної держави (1991–2001)*, під ред. В.М. Литвина. Київ: Видавничий дім «Альтернатива». 704 с.
- Уривалкін О.М. (2009) Довідник з історії України. Київ: Дакор, КНТ. 1008 с.
- Яковенко Н. (2021) Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії. *Моя бібліотека*. URL: <https://mybiblioteka.su/1-144219.html> (дата обращения: 23.06.2021)

References

- Gwedolyn S., Lackner A. (2019) War and State-Making in Ukraine: Forging a Civic Identity from Below. Ideology and Politics. URL: https://www.academia.edu/41598047/WAR_AND_STATE_MAKING_IN_UKRAINE_FORGING_A_CIVIC_IDENTITY_FROM_BELOW (accessed: 02.07.2021)
- Isajiw Wsevolod W. (ed.) (2003) Society in Transition. Social Change in Ukraine in Western Perspectives. Canadian Scholars' Press.
- Kuzio T., D'Anieri P. (eds.) (2002) Dilemmas of State-Led Nation-Building in Ukraine, Praeger.
- Minakov M. (2018) Development and Dystopia. Studies in Post-Soviet Ukraine and Eastern Europe, Ibidem-Verlag, Stuttgart, 345 p.
- Siedenberg A., Hoffman L. (eds) (1999) Ukraine at the Crossroads: Economic Reforms in International Perspective. Physica-Yerlag.
- Wilson A. (2002) Ukrainians. Unexpected Nation, Yale Nota Bene, Yale University Press.
- Borisyonok E.Y. (2018) Ne sovetskaya ukrainizaciya: vlasti Pol'shi, Chekhoslovakii i Rumynii i "ukrainskij vopros" v mezhoennij period [Non-Soviet Ukraine: Poland, Czechoslovakia and Romania and the "Ukrainian question" in the interwar period], Algoritm, Moscow, 304 p. (in Russian).
- Istoriya Ukrainy. Nauchno-populyarnye ocherki [History of Ukraine. Scientific and popular essays]. Pod red. V.A. Smoliya. Nacional'naya akademiya nauk Ukrainy. Institut istorii Ukrainy, Moskva, OLMA Media Grupp, 2008, 1070 p. (in Russian).

- Kos'mina V.G. (2005) Navsegda li razoshlis' puti Ukrainy i Rossii [Whether the paths of Ukraine and Russia separate forever] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, No 4, pp. 141–151. (in Russian).
- Mironenko V.I. (2019) Ukraina v 1945–2011 gg. [Ukraine in 1945–2011] *Istoriya Ukrainy*. v knize «Istoriya Ukrainy. 2-e izd., ispr. i dop. Aletejya, Sankt-Petersburg. (in Russian).
- Shubin A.V. Ukraina v 1917–1945 gg. (2019) [Ukraine in 1917–1945] v knize «Istoriya Ukrainy». 2-e izd., ispr. i dop. Aletejya, Sankt-Petersburg. (in Russian).
- Tolochko P.P. (2018) Ukraina mezhdru Rossiej i Zapadom: istoriko-publicisticheskie ocherki [Ukraine between the East and the West: Historical and Publicist Essays]. GUP, Sankt-Petersburg, 592 p. (in Russian).
- 25 rokov nezalezhnosti: narisi istorii tvorenniya natsii i derzhavi [25 years of independence. History of nation-building and statehood] (2016) Pid red. V.A. Smolij NAN Ukraïni; In-t istorii Ukraïni, Nika-Centr, Kyiv, 796 p.
- Encyklopediya istorii Ukraïni (2011) [Encyclopedia of History of Ukraine] u 10 t. Redkol.: V. A. Smolij (golova) ta in. Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni. Naukova dumka, Kyiv.
- Istoriya Ukrainskoj SSR (1985) [History of the Ukrainian SSR]. V 10-ti t. «Naukova dumka», Kyiv, 1981–1985.
- Gaj-Nizhnik P. P. (2017) Rosiya proti Ukraïni (1990–2016 rr.) [Russia versus Ukraine (1990–2016), «MP Lesya», Kyiv, 332 p.
- Gricak Yaroslav (2011) Strasti za nacionalizmom. Stara istoriya na novij lad [Passions of Nationalism, Old History In New Ways], Kritika, Kyiv, 350 p.
- Kas'yanov G. (2008) Ukraïna 1991–2007: narisi novitn'oi istorii [Ukraine 1991–2007: Recent history essays]. Nash chas, Kyiv, 432 p.
- Kas'yanov G. (2018) Past Continuous: istorichna politika 1980-h – 2000-h. Ukraïna ta susid [Historical policy in the 1980s and 2000s: Ukraine and its Neighbors]. Laurus, Antropos-Logs-Fil'm, Kyiv, 420 p.
- Kul'chic'kij S.V. (2004) Novitnij ukraïns'kij derzhavotvorchij process [The process of establishing the Ukrainian State in modern times] u kn. Ukraïna i Rosiya v istorichnij retrospektivi. Narisi v tr'oh tomah. Redakcijnna rada, vidp. redaktor V. A. Smolij. T. 3, Naukova dumka, Kyiv, 324 p.
- Smolij V.A. (2001) Peredne slovo [Preface], u kn. Ukraïna: utverrdzhennya nezalezhnoï derzhavi (1991–2001), pid red. V.M. Litvina. Vidavnic'ij dim «Al'ternativa», Kyiv, 704 p.
- Ukraïna: politichna istoriya [Ukraine: political history] HKH – poch. HKHI st. (2007) Pid red. V.M. Litvin (golova), Parlaments'ke vidavnic'vo, Kyiv, 1028 p.
- Urivalkin O.M (2009) Dovidnik z istorii Ukraïni [Ask-book on the History of Ukraine] Dakor, KNT, Kyiv, 1008 p.
- Yakovenko N. (2021) Kil'ka sposterezhen' nad modifikacijami ukraïns'kogo nacional'nogo mifu v istoriografii [Several observations on the modification of the Ukrainian national myth in historiography]. Moya biblioteka. [on line] URL: <https://mybiblioteka.su/1-144219.html> (accessed: 23.06.2021)

To the History of the Third Ukrainian Republic

Received 21.07.2021

Author: Mironenko V., Candidate of Science (History), Head of the Centre for Ukrainian Studies, Institute of Europe of RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** victor@mironenko.org

Abstract. The article describes the transformation of the political regime of the Third Ukrainian Republic. The author holds that this big European country deserves attention not only as part of its recent history and that of Europe, but also as a manifestation of some European and global political processes. Using the methods of historical analysis and periodization, an attempt is made to place the last 30 years of the Ukrainian Republic in the general context of the recent history of Ukraine, to identify the reasons for the incomplete «Ukrainian project», the difficulties of its external perception and international positioning. The scientific novelty of the proposed analysis is that the political regimes that have existed in the Ukrainian Republic since its proclamation are considered as interrelated in the process of its evolution, and the latest of them – in the light of the hypothesis of two transformations – as its last phase. The main conclusion is that Ukraine's difficult path of political self-identification is not complete and it faces necessity to find a new internal and external political paradigm and another reboot of the political regime.

Key words: Ukraine, Ukrainian Republic, Third Ukrainian Republic, transformation, re-evolution, transformational crisis, post-Soviet space, Europeanization.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021150160>